

УДК 14(470:460)
ББК 87.3(2Рос:4Исп)

Мириам Фернандес Кальсада

Университет Вальядолида, Институт Бачилерато «Arca Real», кандидат философских наук, заведующая кафедрой философии, Испания, Вальядолид, e-mail: miriamfernandezcalzada@gmail.com

Актуальность философского наследия В.С. Соловьева: взгляд из Испании

Аннотация. Представлен краткий анализ исследований наследия В.С. Соловьева в Испании. Отмечается возросший в последние два десятилетия интерес к его философским трудам, что нашло отражение в публикациях монографий, защитах диссертаций, переводах сочинений философа на испанский язык. Исследуются проблемы «постправды», трансгуманистических и постгуманистических движений. Сопоставляются концепции философии постгуманизма, связанные с наследием Ф. Ницше и пониманием человека в философии В.С. Соловьева. Отмечаются точки соприкосновения этих концепций и их существенные различия. Обосновывается положение о том, что учение В.С. Соловьева об истине и цельном знании является убедительной альтернативой концепциям «постправды». Утверждается, что философия Соловьева может служить источником осмысления путей для решения современных философских проблем.

Ключевые слова: рецепция В.С. Соловьева в Испании, концепция цельного знания, концепция «постправды», учение В.С. Соловьева об истине, наследие Ф. Ницше, трансгуманизм, постгуманизм, идея Богочеловечества

Miriam Fernández Calzada

University of Valladolid, Arca Real Bachelor's Institute, PhD in Philosophy, Head of the Philosophy Department, Spain, Valladolid, e-mail: miriamfernandezcalzada@gmail.com

The relevance of V.S. Solovyov's philosophical legacy: a view from Spain

Abstract. A brief analysis of V.S. Solovyov's legacy research in Spain is presented. There has been an increased interest in his philosophical works over the past two decades, which is reflected in the publications of monographs, dissertations, translations of the philosopher's writings into Spanish. The problems of “post-truth”, transhumanist and posthumanist movements are investigated. The concepts of the philosophy of posthumanism related to the legacy of F. Nietzsche and the understanding of man in the philosophy of V.S. Solovyov are compared. The points of contact of these concepts and their significant differences are noted. The article substantiates the position that V.S. Solovyov's teaching about truth and complete knowledge is a convincing alternative to the concepts of “post-truth”. It is argued that Solovyov's philosophy can serve as a source of understanding ways to solve modern philosophical problems.

Key words: V.S. Solovyov's reception in Spain, the concept of integral knowledge, the concept of “post-truth”, V.S. Solovyov's teaching about truth, the legacy of F. Nietzsche, transhumanism, posthumanism, the idea of God-manhood

DOI: 10.17588/2076-9210.2025.3.037-053

Введение

Степень известности философии В.С. Соловьёва в современной Испании можно определить устойчивым выражением «широко известен в узких кругах». В 2013 году, когда состоялась защита кандидатской диссертации, посвященной исследованию идей Соловьёва об искусстве и красоте¹, библиография Соловьёва на испанском языке практически отсутствовала. Оглядываясь назад, на подготовку своей диссертации, возможность написать статью именно для журнала «Соловьёвские исследования» является большой честью. Опубликованные в нем статьи очень помогли в подготовке диссертации и направили в познании философии Соловьёва, без «Соловьёвских исследований» завершить эту работу было бы невозможно. В связи с этим настоящую статью можно рассматривать в качестве небольшого вклада в дело публикации журнала в знак благодарности его авторам и главному редактору М.В. Максимову.

Научный руководитель диссертации открыто признавался, что совершенно не знает Соловьёва, хотя и соглашался руководить проектом, поскольку считал, что предмет исследования, как он ему был представлен, весьма интересен и глубок. На защите диссертации все члены трибунала проявили искренний интерес к философии Соловьёва.

Следует отметить, что русская мысль в Испании мало известна. Трудно точно определить, в чем причины такого незнания не только наследия Соловьёва, но и русской мысли в целом. Наверное, первая и, возможно, самая важная причина – это языковой барьер. По сравнению с переводами философских сочинений с других языков, таких как французский, итальянский, английский или немецкий, переводов русских философов на испанский язык очень мало. Правда, эта проблема постепенно решается. На сегодняшний день на испанский язык переведены такие сочинения В.С. Соловьёва, как «Чтения о Богочеловечестве» (1878–1880 гг.), «Оправдание добра» (1897 г.) и «Три разговора» (1900 г.)². Личный вклад автора настоящей статьи в этот вопрос заключается в переводе наиболее важных работ, посвященных его философии искусства

¹ Fernández M. Vladimir Soloviev y la Filosofía del Siglo de Plata. Lo estético como factor religioso-transfigurativo. Tesis doctoral, Universidad de Valladolid, 2013. 410 p. [1].

² См.: Soloviev V. Teohumanidad. Conferencias sobre filosofía de la religión, Traducción de Manuel Abella. Salamanca: Sígueme, 2006. 220 p. [2]; Soloviev V. La justificación del bien. Ensayo de filosofía moral, Traducción de José María Vegas. Salamanca: Sígueme, 2012. 592 p. [3]; Soloviev V. Tres diálogos y El Relato del Anticristo (Ensayo). Traducción Jorge Soley Climent. Madrid: El Buey Mudo, 2016. 224 p. [4].

и красоты, опубликованных в сборниках «Преображение красоты»³ (2021 г.) и «Введения в философские начала» (2024 г.)⁴.

Опираясь на собственный исследовательский опыт, отметим, что в Испании наибольший интерес вызывают такие проблемы философии Соловьева, как понимание человека и человечества в связи с идеей Богочеловечества как альтернативой идее трансгуманизма; онтологическое и жизненное видение истины, связанной с категориями добра и красоты, как альтернатива постправде, которую утверждает постмодернизм; восприятие Соловьевым, как и русской религиозно-философской мыслью в целом, философии Ницше.

Трансгуманизм и постправда имеют одним из своих основополагающих столпов философию Ницше. На этом фоне мировоззрение, подобное мировоззрению Соловьева, может противостоять трансгуманизму, а также стать альтернативой миру постправды, в котором мы живем сегодня, по крайней мере на Западе. Этим вопросам посвящены несколько статей, основные идеи которых изложены ниже⁵⁶.

Учение о Богочеловечестве и трансгуманизм

Более 200 лет назад И. Кант утверждал, что ответ на вопрос о том, что такое человек, это главная задача философии. Если сто лет назад казалось, что нет особого смысла задаваться вопросом о сущности и природе человека, поскольку, казалось бы, все уже определено, то сегодня, в XXI веке, этот вопрос вновь выходит на философскую авансцену, но уже в постмодернистском ключе. Возможность воздействия на человеческую жизнь и ее модификации с помощью биотехнологий и медицинских достижений делает вопрос об истинной природе человека фундаментальным для биоэтики, а также имеет этические и политические последствия. К этому можно добавить проблемы идеи, связанные с личным гендерным выбором независимо от биологической при-

³ Soloviov V. La transfiguración de la belleza. Escritos de estética, edición y traducción preparada por Miriam Fernández Calzada. Salamanca: Sígueme, 2021. 363 p. [5]. В книгу вошли следующие переводы: «Три речи в память Достоевского», «Красота в природе», «Первый шаг к положительной эстетике», «Общий смысл искусства», «О лирической поэзии», «Поэзия Ф.И. Тютчева», «Поэзия графа А.К. Толстого», «Судьба Пушкина», «Смысл поэзии в стихах Пушкина», «Лермонтов» и «Идея сверхчеловека».

⁴ Soloviov V. Introducción a los principios del conocimiento y otros escritos, edición y traducción preparada por Miriam Fernández Calzada. Salamanca: Sígueme, 2024. 160 p. [6]. В книге опубликованы переводы следующих текстов: «Общественно-историческое введение» из «Философских начал цельного знания», «Исторические дела философии», «На пути к истинной философии», «Об упадке средневекового мирозерцания», «О подделках» и «Два потока».

⁵ Fernández M. La naturaleza del ser humano en el pensamiento de Vladimir Soloviev. Una visión cosmista de lo transhumano // Estudios Filosóficos. 2014. No. 183. P. 261–281 [7].

⁶ Fernández M. La verdad como destino potencial de la humanidad. Vladimir Soloviev, Chillón, J.M; Martínez, A.; Valera, L. (eds.): Verdad práctica. Un concepto en expansión. Granada: Comares, 2022. P. 89–97 [8].

роды человека, которые реализуются и продвигаются на Западе и достигают тревожного уровня с точки зрения вреда, наносимого подросткам по всему миру. В связи с этим при ответе на этот вопрос действительно многое поставлено на карту.

Как международное культурное и интеллектуальное движение, трансгуманизм обещает разрушить биологические ограничения и радикально переделывать человечество. Среди требований его сторонников – увеличение продолжительности жизни, расширение и усиление чувств, увеличение памяти и общее использование технологий для улучшения биологических условий жизни человека. Макс Мор, один из главных представителей этого направления, определяет трансгуманизм как «разновидность философий жизни, которые стремятся к продолжению и ускорению эволюции разумной жизни за пределами ее нынешней человеческой формы и человеческих ограничений с помощью науки и технологии, руководствуясь принципами и ценностями, философии, которая стремится направить нас к постчеловеческому состоянию». Трансгуманизм разделяет многие элементы гуманизма, но отличается от него тем, что признает и предвидит радикальные изменения в природе и возможностях нашей жизни в результате развития различных наук и технологий⁷.

Джереми Рифкин, автор более близкий к социологии и экономике, чем к философии, утверждает, что мы живем в новом социальном *космосе*, порожденном последней технологической революцией, во многих своих существенных аспектах определяемой постмодернистской мыслью, которая заменила существование универсальных истин «вариантами игры», «перспективами», «моделями» и «творческими возможностями»⁸. Мы оставили позади естественный детерминизм; природа изобретает или переделывает себя, и именно человек, ставший «менеджером эволюции», устанавливает правила и параметры новой реальности. Сама жизнь на индивидуальном уровне может рассматриваться как проект, который может быть изменен как физически, так и психологически. «Жизнь, которая так долго считалась делом рук Божьих, а в последнее время рассматривалась как случайный процесс, направляемый “невидимой рукой” естественного отбора, – утверждает Д. Рифкин, – теперь представляется как своего рода художественная среда непредсказуемых возможностей» [10, р. 308].

Отсюда вытекает необходимость переосмыслить природу этого «менеджера», а также подумать, куда направить ход эволюции. Спектр ответов на этот вопрос в рамках постмодернистского горизонта можно сгруппировать вокруг двух противоположных полюсов: первый – те, кто отрицает существование человеческой природы, и второй – те, кто утверждает, что человек – это

⁷ More M. Transhumanist FAQ, on line: <https://www.humanityplus.org/transhumanist-faq> [date of access: 16.06.2024] [9].

⁸ См.: Rifkin J. El siglo de la biotecnología. El comercio genético y el nacimiento de un mundo feliz. Barcelona: Paidós, 2009. P. 304 [10].

только природа и ничто иное. Отрицающие социальное начало в человеческой природе настаивают на основополагающей и радикальной свободе человека, утверждают, что у человека нет общей сущности или природы. Эта позиция характерна для экзистенциализма и нигилизма и ведет к постгуманизму, например, П. Слотердайк⁹ или Дж. Агамбена¹⁰. В противоположной позиции находятся те, кто, нигилистически интерпретируя учение Ч. Дарвина, утверждает, что человек – это только природа, животный вид и ничего больше. Этот радикальный натурализм приводит к трансгуманизму таких авторов, как Н. Бостром¹¹ или Дж. Савулеску¹², которые выступают за искусственную модификацию человека в целях его улучшения (*enhancement*¹³).

Хотя постгуманизм – это постмодернистский феномен, сосредоточенный на критике и преодолении исторического гуманизма, а трансгуманизм стремится преодолеть и улучшить человека как живой организм, между этими двумя движениями есть определенное сходство. С обеих точек зрения человек воспринимается как нечто податливое и поддающееся модификации. Оба направления обращаются к Ницше как к одному из столпов, на которых они строят свои теории. Конечно, Ницше рассматривает человека с натуралистической точки зрения, как некое животное, и в контексте эволюционного процесса. Его философию можно рассматривать как переопределение размытых границ между человеком и животным, а также как попытку выйти за рамки гуманизма. Если исторически гуманизм пытался найти и показать путь, позволяющий человеку действительно и по-настоящему стать человеком, то путь, который прокладывает Ницше, иной – человек должен исчезнуть, выйти за пределы себя, чтобы на его месте появился сверхчеловек.

С определенной точки зрения трансгуманизм можно определить как утопию, конечной целью которой является преодоление смерти с помощью научно-технических средств. То же самое обещает христианство через Христа. Если гуманизм можно рассматривать как разновидность светской религии, то трансгуманизм будет определять его эсхатологию. Эта эсхатология предполагает определенное понимание природы человека и его предназначения. Что же в таком случае является усовершенствованием, которое выведет человека за пределы самого себя, в это пост-человеческое или над-человеческое состояние? Является ли такое понимание природы человека абсолютно несовместимым с духовным, религиозным мировоззрением? Ведь именно с этой точки зрения

⁹ См.: Sloterdijk P. Normas para el parque humano. Una respuesta a la Carta sobre el humanismo de Heidegger. Madrid: Siruela, 2000. 96 p. [11].

¹⁰ См.: Agamben G. La comunidad que viene. Valencia: Pre-textos, 1996. 79 p. [12].

¹¹ См.: Bostrom N. Why I Want to Be a Posthuman When I Grow Up. Ethics and Emerging Technologies. New York: Palgrave Macmillan, 2014. 583 p. [13].

¹² См.: Savulescu J. Well-Being and Enhancement / J. Ruud ter Meulen, G. Kahane (eds). Enhancing Human Capacities. New Jersey: Wiley-Blackwell Publishing, 2011. 576 p. [14].

¹³ Термин *enhancement* в трансгуманизме означает «улучшение человека».

мысль Соловьева весьма актуальна, поскольку на первый взгляд отчасти совпадает с изложенными выше теориями.

Как и Ницше, Соловьев понимает человека как преходящее явление, которое должно превратиться в сверхчеловека. Как отмечает Н.М. Аверин, есть нечто общее в их воззрениях: оба видят, «что личность будущего – это homo creator, человек творческий. Разумеется, за пределами этой максимально общей постановки проблемы названные философы занимали глубоко различные позиции, разрабатывая ее конкретные аспекты»¹⁴. Истина, заключенная в этом термине, утверждает Соловьев в статье «Идея сверхчеловека» (1899 г.), содержится в понимании человека как субъекта, стремящегося к бесконечному совершенству, стремящегося к сверхчеловеческому идеалу¹⁵. Именно в стремлении выйти за пределы самого себя, стать совершенным и заключается истинная ценность человека. Поскольку с биологической точки зрения человек – это совершенный организм, самый совершенный из тех, что может создать природа, совершенство, о котором мы говорим, переходит в другое измерение. То, что у человека есть высшее предназначение, что он должен выйти за пределы самого себя, для Соловьева не ново, но заложено в самой сути христианского учения. Как утверждает философ в статье «Словесность или истина?» (1897 г.), святой Павел уже говорил об этом афинянам и показал конкретное осуществление этого предназначения в лице Христа. Истинный сверхчеловек – это тот, кто побеждает смерть¹⁶. Таким образом, в своем истинном состоянии человек будет не только человеком, но и богочеловеком. Именно это стремление движет всей человеческой историей. «Исторический процесс, – пишет Соловьев в “Оправдании добра”, – есть долгий и трудный переход от *зверочеловечества* к *богочеловечеству*» [18, с. 257].

Перед лицом альтернативы антиутопической утопии, которой трансгуманизм соблазняет человечество, Соловьев предлагает нам великолепную утопию религиозно-философского характера, которая может послужить важной опорой в поисках альтернатив. В этом смысле видение Соловьева совпадает с видением других русских авторов¹⁷, которые стали известны под широким названием

¹⁴ См.: Аверин Н.М. В. Соловьев и проблема «грядущего человека» в европейской философии XIX века // Соловьёвские исследования. 2001. Вып. 3. С. 65 [15].

¹⁵ См.: Соловьев В.С. Идея сверхчеловека // Соловьев В.С. Соч. в 2 т. Т. 2. М.: Мысль, 1988. 629 с. [16].

¹⁶ См.: Соловьев В.С. Воскресные письма. IX. Словесность или истина? // Соловьев В.С. Собр. соч. в IX т. Т. X. С.-Петербург: Просвещение, 1914. С. 29 [17].

¹⁷ См.: Щепановская Е. Всединство как главный духовный опыт русской философии // Русский космизм в пространстве современной культуры / под ред. О.Д. Маслобоевой. СПб.: ГЭУ, 2016. С. 131–144 [19]. В качестве источников можно было бы привести и многие другие работы на русском языке. Надо сказать, что библиография по космизму на русском языке многочисленна и очень высокого академического уровня, но дело в том, что это явление практически неизвестно в Испании. И снова главным препятствием является языковой барьер и отсутствие переводов сочинений его представителей.

космистов – представителей важнейшего интеллектуального, научного и философского направления русской мысли, малоизвестного в современной Испании. Мы надеемся, что в будущем русский космизм непременно привлечет внимание испанских исследователей.

Таким образом, Богочеловечество является одновременно трансцендентной и имманентной целью (в аристотелевском смысле) исторического процесса и говорит нам о возможности коммуникации между божественным и человеческим и о том, что человек может стать или быть действительно таковым только в общении с божественным. Богочеловечество – это потенция, заложенная в человеческой сущности, которая стремится к актуализации.

Всеединство, еще одно из центральных понятий мировоззрения Соловьева, – это идеальная конфигурация мира, правильное и должное отношение всего ко всему, конфигурация, которая искажена и изменена в материальном мире и реализация которой предполагает гармонизацию всех эмпирических конфликтов и разногласий. Всеединство как союз, который усиливает уникальность каждого элемента, не поглощая его, есть также равновесие между идеальным и материальным, союз между материей и формой, которые, согласно аристотелевской метафизике, не могут существовать отдельно, кроме как в акте интеллектуальной абстракции. Всеединство – это идея-символ внутреннего, органического единства всего мироздания. Космическая история – это история падения из этого идеального состояния и постепенной, медленной и трудной реинтеграции и гармонизации, конечный успех которой зависит от действий человечества.

Исторический процесс развития человечества, составляющий единое целое с эволюционным процессом космоса, есть «путь к совершенству», иначе говоря – устремлен к Богу. Идея эта не нова, она присутствует уже в греческой мысли, но у Соловьева имеет религиозную окраску, отсутствующую в греческой философии. Совершенство – это Царство Божие. В «Оправдании добра» Соловьев объединяет натуралистическую и религиозную перспективы, выделяя пять возникающих «царств» в процессе всеобщей эволюции до достижения Царства Божьего. Соловьев, как отмечает О. Смит, был одним из первых мыслителей, задумавшихся о философских и религиозных последствиях публикации сочинения Ч. Дарвина «Происхождение видов» (1859 г.). Не пытаясь отвергнуть дарвинизм, он включил теорию эволюции в более широкую теоретическую схему, которая отвечала его пониманию естественной эволюции¹⁸. Истинная человеческая сущность существует только как потенция. Потенциально человек – это форма, способная вместить в себя абсолютное содержание, то есть Бога. Концепция человека у Соловьева неотделима от концепции Бога, которого он также пони-

¹⁸ См.: Smith O. Vladimir Soloviev and the spiritualization of matter. Boston: Academic Studies Press, 2011. P. 96–97 [20].

маст динамически и который в «Чтениях о Богочеловечестве» предстает как основной участник вселенской драмы эволюции космоса, драмы, которая приведет человека к спасению и освобождению от смерти.

Человек – это потенциальная форма абсолютного содержания, но эта потенция не является чем-то врожденным для человеческого духа, чем-то ранее данным и требующим для своей актуализации только внутреннего пространства и необходимого времени для раскрытия. Сначала человек должен очистить себя от всего, что несовместимо с этим абсолютным содержанием, которое он способен вместить. Требуется внутренняя перестройка формы, которой он является, чтобы сделать ее подходящей для этого содержания. Эта потенция, которая может раскрыться в истории только постепенно, реализуется медленно, трудно и без гарантии на успех. Внутренние изменения должны происходить не только в отдельном и каждом человеке, но, поскольку весь этот процесс затрагивает человечество в целом, они должны быть скоординированны и синхронизированы, чтобы актуализировать потенцию, которая выведет человека за пределы себя к Богочеловечеству.

Таким образом, сущность человечества – это, скорее, проект, ориентированный на будущее. Хотя оно погружено в процесс эволюции форм жизни, появление человека стало радикальным явлением, появление человечества – беспрецедентным событием в эволюционном развитии космоса. После его появления может начаться только новый этап в космогоническом процессе, который трансформируется в историю.

Радикальная новизна, причастная к появлению человека и определяющая его бытие, – это разум, понимаемый не столько как способность человека мыслить, понимать, устанавливать логические связи и делать выводы посредством дедуктивного или индуктивного мышления, сколько как способность соотносить два элемента. Соловьев пишет: «Вообще, человек есть некоторое соединение Божества с материальной природою, что предполагает в человеке три составных элемента: божественный, материальный и связующий оба, собственно человеческий; совместность этих трех элементов и составляет действительного человека, причем собственно человеческое начало есть разум (*ratio*), то есть отношение двух других» [21, с. 222].

Богочеловечество означает не само обожествление, которое в конечном итоге затмевает божественное, а внутреннее, трудное и постепенное усвоение божественной задачи. Чем глубже индивидуальное усвоение божественной задачи, тем сильнее будет коллективная человеческая воля. Хотя Соловьев рассматривает разум как квинтэссенцию человеческих способностей, было бы ошибкой понимать его как отдающего первенство чисто теоретической сфере. Задача, стоящая перед человечеством, требует одновременной реализации всех его способностей, способностей разума, но также вдохновения, интуиции, иррационального и бессознательного, присутствующего в каждом творческом акте, в каждом мистическом видении, в чувстве и воле.

Человечество должно взять на себя активную роль в завершении окончательного раскрытия и становления божественного плана, а для этого необходимо, чтобы оно отвечало на импульс к выходу за пределы себя, который заложен в нем самом. Но в своей свободе человек может выбрать альтернативные направления. Как утверждается в «Краткой повести об антихристе», божественный план будет реализован. Будет ли он реализован как коллективный апофеоз человечества или нет, зависит от самого человека¹⁹.

Важным является то, что задача, о которой говорит Соловьев, – это универсальная задача, к решению которой призвано все человечество. Западная цивилизация виновна в расщеплении, разъединении как отдельного человека на изолированные способности, так и людей между собой. Решающее значение имеет восстановление человечества как целого. Соловьев говорит о человечестве как о коллективном организме, что отсылает к идее соборности – понятию, заимствованному из славянофильской мысли. Индивидуалистическая традиция Запада порвала с коллективным сознанием, перенеся центр тяжести жизни в субъективный мир, и этот разрыв имеет этические последствия, поскольку вместе с ним утрачивается чувство единства с другими людьми и чувство ответственности перед каждым из них.

В конце жизни, оценивая то, каким путем идет наша цивилизация, Соловьев видел в человечестве «усталого, разочарованного и разбитого параличом старика»²⁰, которому уже нельзя сказать, что его ждет прогресс и улучшение. Как бы то ни было, хотя Соловьев утратил свой первоначальный энтузиазм и больше не рассматривал конец истории как коллективный апофеоз человечества, он никогда не отказывался от идеи о возможности наступления Царства Божьего, поскольку оно не зависит от людей.

Необходимость преодоления постправды

Как и вопрос о природе человека, проблема правды или истины с новой силой вернулась на философскую сцену после появления постмодернистских учений, утверждающих идею необходимости преодоления истины. Как пишет один из теоретиков постмодернизма Джанни Ваттимо в книге *Addio alla verità* («Прощание с истиной») (2009 г.), все превратилось в игру интерпретаций, которые выбираются в соответствии с индивидуальными

¹⁹ См.: Соловьев В.С. Три разговора о войне, прогрессе и конце всемирной истории, со включением краткой повести об антихристе // Соловьев В.С. Соч. в 2 т. Т. 2. М.: Мысль, 1988. С. 736–762 [22].

²⁰ См.: Соловьев В.С. По поводу последних событий // Соловьев В.С. Собр. соч. в IX т. Т. VIII. С.-Петербург: Издание Товарищества «Общественная Польза», 1903. С. 586 [23].

проектами, ожиданиями и ценностями²¹. Для единой истины больше нет места. Следуя выражению, введенному Ральфом Кизом, можно сказать, что мы уже живем в эпоху постправды²².

Отрицание универсальных истин и ценностей открывает тревожные перспективы, поскольку одним из следствий этого отрицания является то, что каждая человеческая группа замыкается на своей собственной истине, не подпадающей коммуникации. К этому добавляется опасная идея о том, что обладающий властью определяет, что является истиной. В современном мире существует тенденция не дискутировать с противником, а отменять его; поляризация становится ожесточенной, а стороны – непримиримыми. Это заметно на политической арене, но распространяется на все сферы.

В целом состояние современной культуры, которое мы можем охарактеризовать как постмодернистское, не признает существование какой-либо истины. Адепты постмодернизма утверждают, что любое знание относительно, даже наука является не более чем интерпретацией окружающей действительности; сомневаются в возможности получения объективных и рациональных знаний и отдают предпочтение иррациональному и эмоциональному. Все это приводит к девальвации фактов в пользу интерпретаций и к определению истины с учетом собственных интересов²³. Как уже отмечал теоретик постмодернизма Ж.Ф. Лиотар в работе «Состояние постмодерна» (1979 г.), вера в «метанарративы», которая придавала смысл, систематизировала и объясняла человеческие знания и опыт, утрачена²⁴. Поскольку объективной реальности не существует, определять факты должен сам субъект. Все зависит от него.

Из постмодернистских учений следует, что истина полностью оторвалась от фактов, отделилась от них. В духе субъективного прагматизма критерий истины зависит уже не от фактов: убеждение истинно, если оно хорошо, а оно хорошо, если удовлетворяет собственные желания. Истина – это то, что в моих интересах является истинным. Факты не играют никакой роли в определении истинности или неистинности того или иного суждения. А это уже не просто сомнение в разуме и его способности. Новые технологии, со своей стороны, способствуют отказу от аргументации, превознесению мнений и распространению так называемых *fake news* – фальшивых (поддельных, «фейковых», ложных) новостей. Но правда в том, что до тех пор, пока мы не восстановим понятие истины, мы будем находиться во власти всевозможных манипуляций.

На этом фоне новое прочтение Соловьева может быть, по меньшей мере, стимулирующим. У Соловьева есть обоснованная онтологическая концеп-

²¹ См.: Vattimo G. *Adiós a la verdad*. Barcelona: Gedisa, 2010. P. 9 [24].

²² См.: Keyes Ralph: *The Post-Truth Era. Dishonesty and Deception in Contemporary Life*. New York: St. Martin Press, 2004. P. 312 [25].

²³ См. об этом, например: McIntyre L. *Post-truth*. Cambridge (MA): Mit Press, 2018. 240 p. [26].

²⁴ См.: Lyotard J.F. *La Condition postmoderne: Rapport sur le savoir*. Paris: Les Éditions de Minuit, 1979. 128 p. [27].

ция истины. Истина, по Соловьеву, – это то, в чем мы можем и должны жить, она является целью, которая направляет нашу жизнь. Конечно, истина для Соловьева – предмет философии, но философия, как он ее понимает, выходит за рамки академических вопросов и абстрактных схем. Итог познания – истина, но она – результат цельного знания, о котором говорили И.В. Киреевский и А.С. Хомяков, разрабатывая пути познания, альтернативные западному эпистемологическому мировоззрению²⁵. Они были сторонниками такого знания, которое возникает в результате гармонизации, объединения и синтеза всех человеческих способностей и всех элементов человеческой жизни. Истина – это то, к чему стремится разум, но, как утверждает Соловьев в «Философских началах цельного знания» (1877 г.), она не есть ни логическая форма, ни эмпирическое содержание, ни исключительно теоретическое знание. Знание истины обращено к разуму, но не в своей исключительности, а лишь постольку, поскольку оно находится в согласии со всеми другими сферами человеческого действия²⁶.

Именно эта связь с другими измерениями человеческого, со сферой чувств и воли, не имеющими строго рационального характера, может привести к альтернативе постистине, в которой уровни смешиваются и путаются, размывая все критерии их определения. Вопрос об истине занимает особое место в рамках цельного знания, но носит не только гносеологический характер, поскольку эта сфера внутренне связана с нравственной и эстетической. Человеку нужны высшие принципы или абсолютные критерии, ему нужна истина, но также добро и красота, которые являются проявлениями одного и того же – динамическими проекциями Всеединства, которое должно быть реализовано в мире благодаря свободному действию человека. Истина не ограничивается только сферой знания, то же самое относится к добру и красоте. Утверждение высоких норм и целей морального действия требует истинного знания, для достижения добра необходимо знать истину, для того чтобы знать, что делать, необходимо знать, что есть или существует.

Для Соловьева, в свою очередь, знание возникает из синтеза опыта, разума и веры. Не предлагая новую форму рациональности, Соловьев, скорее, стремится преодолеть рациональность как абстрактный принцип в пользу более открытого видения, включающего в себя веру и мистический опыт. Вера, о которой говорит Соловьев, – это не только вера в Бога, но и вера в ее эписте-

²⁵ В относительно небольших по общему объему трудах А.С. Хомякова и совсем немногих статьях И.В. Киреевского содержатся глубокие философские прозрения и начальная разработка идеи цельного знания (см.: Киреевский И.В. О характере просвещения Европы и о его отношении к просвещению России (письмо к графу Е.Е. Комаровскому) // Киреевский И.В. Разум на пути к истине. М.: Правило веры, 2002. С. 151–213 [28]; Хомяков А.С. Несколько слов православного христианина по поводу западных вероисповеданий. По поводу брошюры г. Лоранси // Хомяков А.С. Соч. в 2 т. Т. 2. Работы по богословию. М.: Медимум, 1994. С. 25–71 [29]).

²⁶ См.: Соловьев В.С. Философские начала цельного знания // Соловьев В.С. Соч. в 2 т. Т. 2. М.: Мысль, 1988. С. 191 [30].

мическом аспекте: «всего сильнее мы верим в бытие внешнего мира, потому что эта вера лишь отражает в нашем сознании тот первоначальный, простой и неустранимый факт, что мы, т.е. данный субъект, есть часть общего бытия, член всемирного целого. Так как этот факт предшествует всякому мышлению и познанию, то и определяемая им вера не может быть устранена никаким мыслительным и познавательным процессом» [31, с. 553].

Как Соловьев объясняет в сочинении «Вера, разум и опыт» (1877 г.), работа разума чисто формальна, разум не производит содержания, а анализирует данные опыта так же, как данные веры производят понятия, устанавливают связи, отвергают случайное и придают форму универсальности и необходимости тем данным, с которыми работает разум²⁷.

Вера незаменима в процессе познания, потому что с точки зрения разума и опыта нет разницы между тем, что есть, как должно быть, и тем, чего нет. Все, что есть, является фактом и является таковым в одинаковой степени, поэтому нет места для вопроса о том, что должно быть.

Также нет достаточных оснований для утверждения разницы между истинным и неистинным, или ложным. Все, что утверждает субъект, является психическим фактом, феноменом, и мы не можем знать, истинно это или ложно, основываясь только на опыте. Определение способа существования сущности, ее истинности или ложности, не соответствует опыту. Опыт и разум движутся в порядке происходящего и не имеют критериев, позволяющих отвергнуть что-либо. Функция разума заключается в замене случайности на необходимость, разум может заставить то, что кажется ему ложным и ненормальным, стать истинным и нормальным.

Вера, о которой говорит Соловьев, – это вера, предшествующая религиозной рефлексии, это живое понимание бытия. Восприятие субъективно; рациональные суждения имеют лишь гипотетическое существование, они не ведут к бытию. Это не безосновательное признание, а основанное на непосредственных внутренних свидетельствах. И это не синоним религии, потому что для Соловьева утверждение существования мира предполагает тот же «скачок веры», что и вера в Бога. Этот скачок веры должен быть исходным пунктом всякой философии.

Вера и разум – несоизмеримые величины, утверждает Соловьев²⁸. Ни наука, ни разум в рамках опыта не способны различить истину и не истину, но для человека это различие имеет принципиальное значение.

Если ограничить себя мировоззрением, основанным на эмпирической науке, то мы лишаемся возможности этического видения, потому что важная его часть основана на наших убеждениях не о том, что есть, а о том, что должно быть. Вера дает не содержание, а фундамент. Разум тоже, но его ос-

²⁷ См.: Соловьев В.С. Вера, разум и опыт // Соловьев В.С. Полн. собр. соч. и писем в 20 т. Т. 3. М.: Наука, 2001. С. 373 [32].

²⁸ Там же. С. 367.

нования – это чисто абстрактные формы, лишенные содержания; основания же веры позитивны и полны содержания. Именно благодаря вере мы видим добро, истину и красоту. По мнению Соловьева, если формы добра, истины и красоты исчезнут и воцарится равнодушие к ним, если мы перестанем верить в них, то нам не на чем будет основывать цель нашего действия и стремиться к ней. Если, таким образом, все сущее будет покрыто тем же плащом безразличия, то очевидно, что наша активность во всех сферах человеческой деятельности потеряет свои конкретные цели, нам не к чему будет стремиться и жизнь в конце концов потеряет свой смысл. По словам Соловьева, «если вследствие признанного безразличия в этом отношении эти двигатели исчезли из человеческого сознания, то духовный мир человечества погрузился бы в состояние мертвой косности или небытия. Такая нирвана была бы гораздо естественнее и потому страшнее фантастически-ребяческой нирваны Гартмана, достигаемой, по его теории, коллективным самоубийством человечества» [32, с. 372].

Истина, открывающаяся через цельное знание, – это, опять же, всеединство, то состояние единства, в котором каждое существо обладает в себе уникальным и неповторимым образом целого всех существ, присутствуя, в свою очередь, во всем остальном.

Наряду с этой реальностью существует и другая реальность, свидетельствующая о противоположном всеединству типе конституции или конфигурации, о способе бытия, в котором преобладает разобщенность, изолированность, непроницаемость, ограниченность составляющих его элементов, его замкнутость. Это эмпирическая реальность, которая на человеческом уровне проявляется как индивидуализм, эгоизм, отсутствие эмпатии и солидарности. Всеединный мир и эмпирическая реальность не являются онтологически различными реальностями, но последняя есть лишь негативный или недолжный способ бытия той же самой реальности. Отсюда вытекает практическая задача, заключающаяся в необходимости восстановления утраченной конфигурации, которая также является смыслом существования эмпирического мира.

Мы не познаем истины, пишет Соловьев в конце сочинения «Критика отвлеченных начал», потому что «в нашей действительности нет истины..., мы живем не в истине, а потому и не познаем истину. ... не только наше познание ложно, ложно само наше бытие, сама наша действительность. Итак, для истинной организации знания необходима организация действительности. А это уже есть задача не познания, как мысли воспринимающей, а мысли созидющей, или творчества» [33, с. 743].

Смысл и цель человеческого существования состоит в том, чтобы воплотить в себе то единство, которое не только созерцается разумом, но и должно действовать в мире. Мир не находится в истине, и, если мы хотим познать истину, мы должны сначала восстановить реальность. Выполнение этой задачи – потенция, заложенная не в отдельном человеке, а в человечестве в целом, кото-

рое должно согласовать и гармонизировать все свои силы во всеедином духе и по образцу Богочеловека как живого воплощения вселенского союза.

Единое человечество может либо сохранить свое единство с высшим божественным началом, либо отделиться от него, утвердить себя вне божественного или вместо Бога. Начало преобразования находится в отдельном человеке и заключается во внутренней перестройке, в которой «я» заменяется имманентным «мы». Отсюда и то значение, которое Соловьев придает любви как силе, способной произвести внутреннее смещение «я».

В конечном итоге активная и творческая деятельность, к которой призвано человечество, должна начаться с радикальной внутренней трансформации человека. Прежде всего, необходимо найти способ пробудить сознание причастности к космическому бытию, чтобы сформировать новый тип человека, который понимает и чувствует свои корни, поскольку дальнейшее развитие этого мира возможно только на основе духовной и этической трансформации человека.

Истина – это не что-то, что находится где-то там, но и не несуществующая химера, это задача, совместная задача, и вызов для всего человечества, истина, которая тесно связана с добром и красотой. Истина, в которой можно жить.

Сегодня мы живем в беспечности и пренебрежении к истине. Необходимо вернуть стремление к истине и веру в то, что она есть. Этому может способствовать философия В.С. Соловьева.

Список литературы

1. Fernández M. Vladimir Soloviev y la Filosofía del Siglo de Plata. Lo estético como factor religioso-transfigurativo. Tesis doctoral, Universidad de Valladolid, 2013. 410 p.
2. Soloviev V. Teohumanidad. Conferencias sobre filosofía de la religión, Traducción de Manuel Abella. Salamanca: Sígueme, 2006. 220 p.
3. Soloviev V. La justificación del bien. Ensayo de filosofía moral, Traducción de José Maria Vegas. Salamanca: Sígueme, 2012. 592 p.
4. Soloviev V. Tres diálogos y El Relato del Anticristo (Ensayo). Traducción de Jorge Soley Climent. Madrid: El Buey Mudo, 2016. 224 p.
5. Soloviev V. La transfiguración de la belleza. Escritos de estética, edición y traducción preparada por Miriam Fernández Calzada. Salamanca: Sígueme, 2021. 363 p.
6. Soloviev V. Introducción a los principios del conocimiento y otros escritos, edición y traducción preparada por Miriam Fernández Calzada. Salamanca: Sígueme, 2024. 160 p.
7. Fernández M. La naturaleza del ser humano en el pensamiento de Vladimir Soloviev. Una visión cosmista de lo transhumano // Estudios Filosóficos. 2014. No. 183. P. 261–281.
8. Fernández M. La verdad como destino potencial de la humanidad. Vladimir Soloviev, Chillón, J.M. // Martínez A.; Valera L. (eds.): Verdad práctica. Un concepto en expansión. Granada: Comares, 2022. P. 89–97.
9. More M. Transhumanist FAQ. URL: <https://www.humanityplus.org/transhumanist-faq> [date of access: 16.06.2024].
10. Rifkin J. El siglo de la biotecnología. El comercio genético y el nacimiento de un mundo feliz. Barcelona: Paidós, 2009. 384 p.

11. Sloterdijk P. Normas para el parque humano. Una respuesta a la Carta sobre el humanismo de Heidegger. Madrid: Siruela, 2000. 96 p.
12. Agamben G. La comunidad que viene. Valencia: Pre-textos, 1996. 79 p.
13. Bostrom N. Why I Want to Be a Posthuman. Ethics and Emerging Technologies. New York: Palgrave Macmillan, 2014. 583 p.
14. Savulescu J. Well-Being and Enhancement // Ruud ter Meulen, G. Kahane (eds) Enhancing Human Capacities. New Jersey: Wiley-Blackwell Publishing, 2011. 576 p.
15. Аверин Н.М. В. Соловьев и проблема «грядущего человека» в европейской философии XIX века // Соловьёвские исследования. 2001. Вып. 3. С. 64–74.
16. Соловьев В.С. Идея сверхчеловека // Соловьев В.С. Соч.: в 2 т. Т. 2. М.: Мысль, 1988. С. 626–634.
17. Соловьев В.С. Воскресные письма. IX. Словесность или истина? // Соловьев В.С. Собр. соч. в X т. Т. X. СПб.: Издание Товарищества «Общественная Польза», 1903. С. 28–32.
18. Соловьев В.С. Оправдание добра. Нравственная философия // Соловьев В.С. Соч.: в 2 т. Т. 1. М.: Мысль, 1988. С. 47–580.
19. Щепановская Е. Всеединство как главный духовный опыт русской философии // Русский космизм в пространстве современной культуры / под ред. О.Д. Маслобоевой. СПб.: ГЭУ, 2016. С. 131–144.
20. Smith O. Vladimir Soloviev and the spiritualization of matter. Boston: Academic Studies Press, 2011. 308 p.
21. Соловьев В.С. Чтения о Богочеловечестве. СПб.: Азбука классика, 2010. 384 с.
22. Соловьев В.С. Три разговора о войне, прогрессе и конце всемирной истории, со включением краткой повести об антихристе // Соловьев В.С. Соч.: в 2 т. Т. 2. М.: Мысль, 1988. С. 635–762.
23. Соловьев В.С. По поводу последних событий // Соловьев В.С. Собр. соч. в IX т. Т. VIII. СПб.: Издание Товарищества «Общественная Польза», 1903. С. 583–586.
24. Vattimo G. Adíós a la verdad. Barcelona: Gedisa, 2010. 160 p.
25. Keyes Ralph. The Post-Truth Era. Dishonesty and Deception in Contemporary Life. New York: St. Martin Press, 2004. 312 p.
26. McIntyre L. Post-truth. Cambridge (MA): Mit Press, 2018. 240 p.
27. Lyotard J.F. La Condition postmoderne: Rapport sur le savoir. Paris: Les Éditions de Minuit, 1979. 128 p.
28. Киреевский И.В. О характере просвещения Европы и о его отношении к просвещению России (письмо к графу Е.Е. Комаровскому) // Киреевский И.В. Разум на пути к истине. М.: Правило веры, 2002. С. 151–213.
29. Хомяков А.С. Несколько слов православного христианина по поводу западных вероисповеданий. По поводу брошюры г. Лоранси // Хомяков А.С. Соч.: в 2 т. Т. 2. Работы по богословию. М.: Медиум, 1994. С. 25–71.
30. Соловьев В.С. Философские начала цельного знания // Соловьев В.С. Соч.: в 2 т. Т. 2. М.: Мысль, 1988. С. 139–288.
31. Соловьев В.С. Вера // Соловьев В.С. Статьи для энциклопедии Брокгауза и Ефрона. Собр. соч.: Т. 12. Брюссель: Жизнь с Богом, 1970. 553 с.
32. Соловьев В.С. Вера, разум и опыт // Соловьев В.С. Полн. собр. соч. и писем в 20 т. Т. 3. М.: Наука, 2001. С. 367–390.
33. Соловьев В.С. Критика отвлеченных начал // Соловьев В.С. Соч.: в 2 т. Т. 1. М.: Мысль, 1988. С. 581–756.

References

(Sources)

Collected Works

1. Solov'ev, V.S. Ideya sverkhcheloveka [The Idea of a Superman], in Solov'ev, V.S. *Sochineniya v 2 t., t. 2* [Works in 2 vols., vol. 2]. Moscow: Mysl', 1988, pp. 626–634.
2. Solov'ev, V.S. Voskresnye pis'ma. IX. Slovesnost' ili istina? [Sunday letters. IX. Literature or truth?], in Solov'ev, V.S. *Sobranie sochineniy v X t., t. X* [Collected works in X vols., vol. X]. Saint-Petersburg: Izdanie Tovarishchestva «Obshchestvennaya Pol'za», 1903, pp. 28–32.
3. Solov'ev, V. Opravdanie dobra. Nравstvennaya filosofiya [The justification of good. Moral philosophy], in Solov'ev, V.S. *Sochineniya v 2 t., t. 1* [Works in 2 vols., vol. 1]. Moscow: Mysl', 1988, pp. 47–580.
4. Solov'ev, V.S. Tri razgovora o voyne, progresse i kontse vseмирной istorii, so vklucheniem kratkoy povesti ob antikhriste [Three conversations about war, progress, and the end of world history, including a short story about the Antichrist], in Solov'ev, V.S. *Sochineniya v 2 t., t. 2* [Works in 2 vols., vol. 2]. Moscow: Mysl' 1988, pp. 635–762.
5. Solov'ev, V.S. Po povodu poslednikh sobyitiy [Regarding the latest events], in Solov'ev, V.S. *Sobranie sochineniy v IX t., t. VIII* [Collected Works in IX vols., vol. VIII]. Saint-Petersburg: Izdanie Tovarishchestva «Obshchestvennaya Pol'za», 1903, pp. 583–586.
6. Solov'ev, V.S. Filosofskie nachala tsel'nogo znaniya [The philosophical foundations of integral knowledge], in Solov'ev, V.S. *Sochineniya v 2 t., t. 2* [Works in 2 vols., vol. 2]. Moscow: Mysl', 1988, pp. 139–288.
7. Solov'ev, V.S. Vera [Faith], in Solov'ev, V.S. *Stat'i dlya entsiklopedii Brokgauza i Efrona. Sobranie sochineniy. T. 12* [Articles for the Brockhaus and Efron Encyclopaedia. Collected Works. Vol. 12]. Brussels: Zhizn' s Bogom, 1970. 553 p.
8. Solov'ev, V.S. Vera, razum i opyt [Faith, Reason, and Experience], in Solov'ev, V.S. *Polnoe sobranie sochineniy i pisem v 20 t., t. 3* [Complete Works and Letters in 20 vols., vol. 3]. Moscow: Nauka, 2001, pp. 367–390.
9. Solov'ev, V.S. Kritika otvlechenykh nachal [The critique of abstract principles], in Solov'ev, V.S. *Sochineniya v 2 t., t. 1* [Works in 2 vols., vol. 1]. Moscow: Mysl', 1988, pp. 581–756.

Individual Works

10. Khomyakov, A.S. Neskol'ko slov pravoslavnogo khristianina po povodu zapadnykh veroslovedaniy. Po povodu broshyury g. Loransi [A few words from an Orthodox Christian about Western religions. Regarding a brochure by M. Laurence], in Khomyakov, A.S. *Sochineniya v 2 t., t. 2. Raboty po bogosloviyu* [Works in 2 vols., vol. 2. Works on theology]. Moscow: Medium, 1994, pp. 25–71.
11. Kireevskiy, I.V. O kharaktere prosveshcheniya Evropy i o ego otnoshenii k prosveshcheniyu Rossii (pis'mo k grafu E.E. Komarovskomu) [On the nature of European enlightenment and its relation to Russian enlightenment (letter to Count E.E. Komarovsky)], in Kireevskiy, I.V. *Razum na puti k istine* [Reason on the path to truth]. Moscow: Pravilo very, 2002, pp. 151–213.
12. Soloviev, V. Teohumanidad. Conferencias sobre filosofia de la religión. Salamanca: Sígueme, 2006. 224 p.
13. Soloviev, V. La justificación del bien. Ensayo de filosofía moral. Salamanca: Sígueme, 2012. 592 p.
14. Soloviev, V. Tres diálogos y El Relato del Anticristo (Ensayo). Madrid: El Buey Mudo, 2016. 224 p.
15. Soloviev, V. La transfiguración de la belleza. Escritos de estética. Salamanca: Sígueme, 2021. 368 p.
16. Soloviev, V. Introducción a los principios del conocimiento y otros escritos. Salamanca: Sígueme, 2024. 160 p.

17. Solov'ev, V.S. *Chteniya o Bogochelovechestve* [Lectures on Godmanhood]. Saint-Petersburg: Azbuka klassika, 2010. 384 p.

(Articles from Scientific Journals)

18. Averin, N.M. V. Solov'ev i problema «gryadushchego cheloveka» v evropeyskoy filosofii XIX veka [Solovyov and the problem of the “man or the future” in 19th-century European philosophy], in *Solov'evskie issledovaniya*, 2001, issue 3, pp. 64–74.

19. Fernández, M. La naturaleza del ser humano en el pensamiento de Vladimir Soloviev. Una visión cosmista de lo transhumano, in *Estudios Filosóficos*, 2014, no. 183, pp. 261–281.

(Articles from Proceedings and Collections of Research Papers)

20. Bostrom, N. Why I Want to Be a Posthuman. Ethics and Emerging Technologies. New York: Palgrave Macmillan, 2014. 583 p.

21. Fernández, M. La verdad como destino potencial de la humanidad. Vladimir Soloviev, Chil-lón J.M.; Martínez, A.; Valera, L. (eds.) *Verdad práctica. Un concepto en expansión*. Granada: Comares, 2022, pp. 89–97.

22. Savulescu, J. Well-Being and Enhancement, in R. ter Meulen, G. Kahane (eds). *Enhancing Human Capacities*. New Jersey: Wiley-Blackwell Publishing, 2011. 576 p.

23. Shchepanovskaya, E. Vseedinstvo kak glavnyy dukhovnyy opyt russkoy filosofii [All-unity as the main spiritual experience of Russian philosophy], in *Russkiy kosmizm v prostranstve sovremen-noy kul'tury* [Russian cosmism in the context of contemporary culture]. Saint-Petersburg: GEU, 2016, pp. 131–144.

(Monographs)

24. Agamben, G. La comunidad que viene. Valencia: Pre-textos, 1996. 79 p.

25. Keyes, Ralph. The Post-Truth Era. Dishonesty and Deception in Contemporary Life. New York: St. Martin Press, 2004. 312 p.

26. Lyotard, J.F. La Condition postmoderne: Rapport sur le savoir. Paris: Les Éditions de Minuit, 1979. 128 p.

27. McIntyre, L. Post-truth. Cambridge (MA): Mit Press, 2018. 240 p.

28. Rifkin, J. El siglo de la biotecnología. El comercio genético y el nacimiento de un mundo feliz. Barcelona: Paidós, 2009. 384 p.

29. Sloterdijk, P. Normas para el parque humano. Una respuesta a la Carta sobre el humanismo de Heidegger. Madrid: Siruela, 2000. 96 p.

30. Smith, O. Vladimir Soloviev and the spiritualization of matter. Boston: Academic Studies Press, 2011. 308 p.

31. Vattimo, G. Adiós a la verdad. Barcelona: Gedisa, 2010. 160 p.

(Thesis and Thesis Abstracts)

32. Fernández, M. Vladimir Soloviev y la Filosofía del Siglo de Plata. Lo estético como factor religioso-transfigurativo. Tesis doctoral, Universidad de Valladolid, 2013. 410 p.

(Electronic Resources)

33. More, M. Transhumanist FAQ. Available at: <https://www.humanityplus.org/transhumanist-faq> (date of access: 16.06.2024).